

К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

УДК 1(091)

Н. В. Кузнецов, И. Д. Осипов

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ*

В статье рассматриваются проблемы философии культуры в эпоху русской революции. Впервые анализируются статьи известных русских философов П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, историков М. И. Ростовцева, А. С. Изгоева, опубликованные в одном из самых авторитетных отечественных журналов — «Русская мысль». Авторы стремятся исследовать некоторые ключевые вопросы, связанные с причинами русской революции, ее социокультурными и ментальными предпосылками. Делается вывод о наличии как субъективных, так и объективных факторов, влияющих на теоретическое и аксиологическое осмысление итогов русской революции. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: культура, философия, революция, журналистика, личность, народ, свобода.

N. V. Kuznetsov, I. D. Osipov

PHILOSOPHY OF CULTURE IN THE JOURNALISM OF THE ERA OF THE REVOLUTION

The article analyzes the problems of philosophy of culture in the era of the Russian revolution. For the first time it analyzes articles by the well-known Russian philosophers P. B. Struve, N. A. Berdyaev, historians M. I. Rostovtsev, A. S. Izgoyev, published in one of the most influential national journals "Russkaya Mysl" — Russian thought. The authors seek to identify some of the key issues that are associated with the causes of the Russian revolution, its socio-cultural and mental preconditions. The conclusion rests on the presence of both subjective and objective factors influencing the theoretical and axiological understanding of the outcome of the Russian revolution. Refs 15.

Keywords: culture, philosophy, revolution, journalism, personality, people, freedom.

Кузнецов Никита Всеволодович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Осипов Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; idosipov@mail.ru

Kuznetsov Nikita V. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Osipov Igor D. — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; idosipov@mail.ru

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ (ОГОН) № 16-03-00623 «Отечественная философская журналистика. 1917–1922 гг.».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Философия культуры занимала важное место в начале XX в., и наиболее острые духовные и социальные вопросы развития России в этот период ставились и решались русской интеллигенцией в контексте взаимоотношения личности и культуры, религии и культуры, революции и культуры (см. по этой проблеме: [1; 2]). Согласно М. С. Кагану, существуют четыре основных взгляда на отношение культуры к революционному движению: «культура вместо революции; культура до революции; культура после революции; несовместимость культуры и революции» [3, с.200]. Но если поставить вопрос иначе: об отношении интеллигенции к культуре и революции, то в этом случае возможны другие взгляды: революция против культуры, культура совершения революции и культура *contra* революция. Философия культуры может быть рассмотрена в различных аспектах, и она во многом интересна именно в контексте журналистики, стилистика которой давала возможность обобщать острые социально-политические проблемы. В целом до-революционная отечественная журналистика во многом придерживалась ценностей либерализма, радикализма и консерватизма. Философские журналы стремились выдержать теоретический тон обсуждения различных социальных проблем и позиции культуры. К этим журналам относятся такие, как «Вопросы философии и психологии», «Вестник Европы», «Полярная звезда». В 1906 г. С. Л. Франк и П. Б. Струве поместили в журнале «Полярная звезда» работу «Очерки философии культуры», в которой проанализировали аксиологические стороны культуры, а С. Л. Франк в журнале «Русская мысль» за 1909 г. рассматривал проблему религиозных оснований культуры. Философия культуры в журнале «Русская мысль» получила свое развитие в эпоху революции. В передовице февральского номера за 1917 г. главный редактор журнала П. Б. Струве приветствует Февральскую революцию следующими словами: «Вторая русская революция, завершившая дело политического освобождения нашей родины, налетела, как ураган, как разбушевавшаяся стихия, которая сломала на своем пути все преграды» [4, с. XI]. По его мнению, этой преградой выступала «негодная и нетерпимая» власть. Струве в сложное для страны время призывает отказаться от всего личного и партийного и с позиции государственного патриотизма выступить за единение общества и порядок в тылу и на фронте для борьбы с сильным врагом.

После Октябрьской революции Струве более содержательно и продуманно формулирует свою позицию в отношении революции:

- революция состоит в создании новых политических и социально-экономических форм бытия; она ведет свое начало с 1902 г. и продолжилась в 1905 и в 1917 гг.;
- революция вызвана ошибками верховной власти, которая сделала ее неизбежной, ибо «преступно» сдерживала культурное и политическое развитие нации;
- в революции виновна и русская интеллигенция, которая склонна к анархизму и противогосударственному «отщепенству». В данном случае Струве повторяет тезисы из своей статьи в сборнике «Вехи». Заметим, что на знаменитый сборник ссылаются и некоторые другие авторы журнала, в частности Н. А. Бердяев;
- революция вопреки всем социалистическим лозунгам носит буржуазный характер и вызвана глубинным стремлением народных масс к личной

земельной собственности. Таким образом, субъектом революции является и крестьянство.

Струве не сомневается в закономерности и необходимости революции, делая упор на том, что она была совершена вопреки теории. Виноваты в этом радикальные группы, которые не поняли буржуазного смысла революции, т. е. большевики. Он пишет: «Если таким образом переживаемая Россией революция является и не может не являться революцией буржуазной в глубочайшем смысле этого слова, то отсюда непрерываемо вытекает вывод: русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе развития самих широких народных масс России быть преодолен и сметен» [5, с. 60]. В данном случае звучат обвинения большевиков в отходе от марксизма. И здесь Струве прав, так как Маркс действительно скептически относился к социалистической революции в России, полагал, что если она и произойдет, то только в начале мировой революции, которая обязательно должна быть продолжена в наиболее развитых капиталистических странах. Следует отметить, что и сами большевики также надеялись на это продолжение, но их надежды не оправдались, в результате им пришлось корректировать классический марксизм и возникла концепция строительства социализма в отдельно взятой стране.

Заслуживает внимания оценка Струве большевиков как бессознательных контрреволюционеров. Его точка зрения о наличии психологических оснований действий революционеров будет потом не раз воспроизведена в социологии и психологии власти. И. П. Смирнов отмечает: «Сами зачинщики революции часто бывают личностями, мстящими обществу за какой-либо соматический дефицит, который им пришлось испытать: семейный (брат Ленина был казнен), национальный... групповой...» [6, с. 51]. В советскую эпоху появилось другое объяснение действий революционеров, которое заключалось в том, что Октябрьская революция произошла во многом благодаря творческому подходу Ленина к марксизму; он особое внимание уделил развитию субъективного фактора революции, идеологической подготовке масс. Большевики «не отказались от веры в народ, но параллельно выдвинули идею о руководящей роли партии, чем лишили свой подход последовательности, придали своему самосознанию еще одну форму двойственности, двойственность субъекта истории» [7, с. 75].

Струве указывал и на большой моральный дефект марксизма: исповедуя социализм как некий идеал далекого будущего, он лишал своих последователей необходимости воплощать свои взгляды в жизнь, согласовывать слова с ежедневным поведением.

В связи с этим приведем суждения публициста А. С. Изгоева. Он оценивал революцию как событие огромной важности, так как под флагом социализма все культурные государства вступили на путь социальной политики. Ее задача: ограничение власти капитала, подчинение его государственному контролю, улучшение положения рабочих, установление конституционного строя, стремление к справедливости и возможному равенству. Писатель полагал, что после революции большевики покончили со свободой печати, неприкосновенностью личности, жилища, почтовой переписки, свободы слова, собраний, союзов, свободным, равным и тайным избирательным правом. «Люди думали и говорили, что они осуществляют самый совершенный и передовой социалистический строй, тогда как на деле они

деградировали власть к начальному периоду всякого самодержавия, когда произвол отдельных самодержцев неразрывно связан с произволом служащих ему толп» [8, с. 59]. Согласно Изгоеву, причина прихода большевиков к власти заключалась в том, что развитие русской государственности не было прочно связано с русской жизнью, отсутствовал фундамент гражданственности и не хватало религиозно-нравственной культуры личности. Он раскрывает и некоторые позитивные стороны большевизма, которые заключаются в том, что большевики проявили подлинное знание природы власти, хотя в ее организации они зачеркнули все, что было сделано в России, начиная со Сперанского. Большевиков можно упрекать только в том, что они осуществляют социализм, а вовсе не в том, как они его осуществляют. Они осуществляют его единственно возможным образом. «Отрицательная» заслуга большевиков заключается в том, что они выявили всю слабость государственного строя в России: «В интернационализме наших масс сказались лишь первобытное развитие, отсутствие сознания национальности, патриотизма, любви к своему, индивидуально своему, но связанному с государством клочку земли, политому потом многих поколений и экономически переплетенному и с промышленностью, и с торговлей, и с государственной политикой» [8, с. 30], — пишет публицист.

Интерес вызывают публикации Н. А. Бердяева, которым присущ культурологический взгляд на революцию и ее предпосылки. В своих статьях он развивает, в частности, концепцию России как Востоко-Запада. В ней последовательно критикуются как западничество, так и славянофильство. Бердяев отмечает, что для славянофилов Россия была исключительно Востоком, хотя и христианским, и они не хотели брать на себя ответственность за судьбу европейской культуры. Для западников же Россия должна была быть только Западом, и они не думали о ее историко-культурном своеобразии. Бердяев, возражая, указывает, что Россия по своему положению в мире и своей миссии есть великий Востоко-Запад, ибо она находится в центре двух всемирно-исторических потоков, в равной степени принадлежа Европе и Азии. Поэтому в русской душе всегда сталкиваются две противоположные стихии: западная и восточная, источник богатства и сложности русской души, а также всех противоречий русской природы, которая отличается от более «гладкой» души западного человека. Но и в самой восточной стихии русской души происходит разделение на нехристианский Восток и Восток христианский. В глубине души русского народа находится и Восток монгольский, вошедший внутрь России со времени татарского ига. Все это приводит к непониманию России не только иностранцами, но и самими русскими, в западноевропейском смысле она легко может показаться неудачницей.

При этом Бердяев подчеркивает, что Россия — европейское государство и должна во всех отношениях быть «вооружена» западной техникой, которая не имеет национального характера. Философ, по существу, повторяет мысль А. С. Хомякова о том, что можно и нужно усваивать технические достижения Западной Европы — это не будет мешать сохранению духовной самобытности русского народа. Бердяев отмечает, что все народы Европы входят в семью европейских культур оригинально, Запад есть единство в многообразии. Своеобразие России заключается в том, что она «призвана приобщить к европейской культуре совершенно новое начало и этим расширить и углубить ее» [9, с. 77]. Миссия России — приведение человеческой культуры к единству цивилизаций Востока и Запада, ее окончательная универсализация, выведение ее за пределы замкнутой и самодовлеющей Европы.

В статье «Народническое и национальное сознание» Бердяев рассматривает специфику народничества, выявляя такие его особенности, как безличность, морализм, провинциализм, бездуховность, женственность, народопоклонничество. В народничестве, по его мнению, всегда чувствовалась стихия Востока, глубоко противоположная западной идее культуры. Бердяев считает, что русские социал-демократы, которые вели борьбу против народничества, в сущности психологически и морально остались народниками, а большевизм — это «революционное, анархически-бунтарское народничество» [10, с. 90]. В отличие от народничества национальное сознание выражает индивидуальный народный образ, высшие формы национального творчества. Национальное сознание носит качественный характер и постигает место России в мире и ее великое призвание, для него существует прежде всего целое, а не части. Выразительницей и носительницей национального сознания должна быть высшая интеллигенция, духовная аристократия страны. Национальное самосознание в России является также и темой статей сборника «Идеи и жизнь», где исследуются особенности самосознания русской революционной интеллигенции. Бердяев подчеркивает, что русская интеллигенция равнодушна к идейному творчеству: «Русская революционно-социалистическая интеллигенция кристаллизовалась в особую расу, в особую породу людей, которую можно узнать даже по физическому облику, и эта раса не может господствовать» [11, с. 95]. Философ утверждает, что революционная интеллигенция «аполитична и необщественна», она отчуждена от государственной работы. Также, согласно Бердяеву, зачастую русские интеллигенты исходя из нравственных принципов восставали против мысли, мир идей и мир общественности для русской интеллигенции остались разобщенными. «Славянофильство, народничество, толстовство, русское религиозное самомнение кончены, русское революционное самомнение трагически изжито», — пишет он [11, с. 106]. В статье «Личное благо и сверхлические ценности» русская революция представляется Бердяеву огромным экспериментом, который дает богатый материал для размышлений в области философии культуры. Он считает, что, с одной стороны, в революционную эпоху все личное отодвигается на второй план; личность вынуждена подчиниться интересам общества. С другой стороны, русская революция в нынешнем ее виде представляется атомизацией нации, культуры, распадением целостности и преемственности русской истории. «Настоящий расцвет личности, ее творчества, ее гениальности возможен только при признании сверхлических целей и сверхчеловеческих святынь» [12, с. 39], — отмечает философ.

В статье известного историка М. И. Ростовцева исследуется положение науки в России. Он пишет: «Надо открыто сознаться в том, что в России наука оказалась каким-то оранжерейным цветком, расцветавшим в теплицах университетов и академий и никак не связанным даже с интеллигенцией, не говоря уже о массах населения. В России настоящая чистая наука, база интеллектуального развития жила исключительно государством» [13, с. 3]. Ростовцев приводит примеры недостаточного развития науки, связывая их с отсутствием частной инициативы в науке, низкой культурой переводческой деятельности. Ростовцев также высказывает мысль о необходимости создания сети научно-исследовательских институтов, которые бы готовили кадры преподавателей для университетов. В целом причина такого положения, по его мнению, в том, что наука была чужда официальной России, а научное творчество «стеснялось» в изучении вопросов религии, философии, политических

и экономических наук. Суждения ученого объясняют причины распространения в России различного рода социальных утопий.

Таким образом, авторы во многом пытались наряду с поисками объективных законов революции также найти и ее виновников. Но представляется, что события такого масштаба, как революция, имеют естественно-исторический характер и вряд ли у них есть конкретные виновники. Впервые сравнение революции с природными катаклизмами провел немецкий якобинец Георг Фостер, находясь в Париже в октябре 1793 г. «Лава революции течет величаво, поглощая все на своем пути», — писал он (цит. по: [14, с. 82]). На природный характер революции обращали внимание Герцен с Лениным. Логос революции имеет объективный и непредсказуемый характер: «Революция раскрывает крайние возможности общества, которые актуализируются. Когда оно хочет быть, и быть Другим. Таким образом, оно становится подобным трансцендентальному субъекту немецкой классической философии. Революцию можно определить как явленную ноуменальность» [7, с. 48]. Русская революция, как и Великая французская революция, оказалась процессом, растянутым примерно на сто лет. Россия прошла через свои периоды якобинства, термидора и реставрации. При этом она, как отмечал И. Дойчер, совмещала две тенденции: «...мы можем говорить об Октябрьской революции как сочетании буржуазной и пролетарской революций» (цит. по: [14, с. 180]). В определенной мере с этим можно согласиться. Но, обсуждая особенности Великой русской революции, все же следует исходить из того, что история не имеет сослагательного наклонения и ее надо понимать во всем противоречивом многообразии. В целом политическая мысль России демонстрирует свое теоретическое и ценностное своеобразие. «В отечественной философии политики и права ставились и успешно решались различные экзистенциальные и онтологические проблемы развития личности государства, общества и нации» [15, с. 260]. Развиваемые в русской философии идеи соборности и правды, нравственного и свободного единства личности с семьей и обществом, просвещенного патриотизма несомненно актуальны. Как и сто лет назад, Россия стоит перед необходимостью развивать культуру и образование, создавать правовое и социально справедливое государство.

Литература

1. *Осипов И. Д.* Ленинская критика веховской концепции взаимосвязи культуры и личности // Вестн. Ленингр. ун-та. 1977. № 23. Экономика. Философия. Право. Вып. 4. С. 66–70.
2. *Осипов И. Д.* Философия русского либерализма. XIX — начало XX в. СПб.: СПбГУ, 1996. 192 с.
3. *Каган М. С.* История культуры Петербурга. СПб., 2000. 345 с.
4. *Струве П. Б.* Освобожденная Россия // Русская мысль. 1917. Февраль. С. XI–XII.
5. *Струве П. Б.* В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу статей И. О. Левина // Русская мысль. 1917. Ноябрь—декабрь. С. 57–61.
6. *Смирнов И. П.* Социосфера революции. СПб.: Алетейя, 2004. 369 с.
7. *Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н.* Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 610 с.
8. *Изгоев А. С.* О заслугах большевиков // Русская мысль. 1918. Январь—февраль. С. 54–62.
9. *Бердяев Н. А.* Россия и Западная Европа // Русская мысль. 1917. Май—июнь. С. 76–81.
10. *Бердяев Н. А.* Народническое и национальное сознание // Русская мысль. 1917. Июль—август. С. 90–97.
11. *Бердяев Н. А.* Идеи и жизнь. Власть и психология интеллигенции // Русская мысль. 1918. Январь—февраль. С. 95–107.

12. Бердяев Н. А. Личное благо и сверхличные ценности // Русская мысль. 1917. Ноябрь—декабрь. С. 33–39.
13. Ростовцев М. И. Наука и революция // Русская мысль. 1917. Сентябрь—октябрь. С. 1–16.
14. Хобсбаум Э. Эхо Марсельезы. Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет. Дочер И. Незавершенная революция Россия 1917–1967. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
15. Осипов И. Д. Философия политики и права. СПб.: СПбГУ, 2014. 267 с.

Для цитирования: Кузнецов Н. В., Осипов И. Д. Философия культуры в публицистике эпохи революции // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 393–399.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.401>

References

1. Osipov I. D. Leninskaia kritika vekhovskoi kontseptsii vzaimosvazi kul'tury i lichnosti [Lenin's critique of Wekhi-group concept of the interrelationship between culture and personality]. *Vestnik LGU*, 1977, no. 23. Economy. Philosophy. Right. Release, issue 4, pp. 66–70. (In Russian)
2. Osipov I. D. *Filosofia russkogo liberalizma. XIX — nachalo XX veka* [Philosophy of the Russia liberalism. XIX — early XX century]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996. 192 p. (In Russian)
3. Kagan M. S. *Istoriia kul'tury Peterburga* [The cultural History of St. Petersburg]. St. Petersburg, 2000. 345 p. (In Russian)
4. Struve P. B. Osvobozhdennaia Rossiia [Free Russia]. *Russkaia mysl'*, 1917, February, pp. XI–XII.
5. Struve P. B. V chem revoliutsiia i kontrrevoliutsiia? Neskol'ko zamechanii po povodu statei I. O. Levina [In the revolution and counter-revolution? A few comments about the articles I. O. Levin]. *Russkaia mysl'*, 1917, November–December, pp. 57–61. (In Russian)
6. Smirnov I. P. Sotsiosfera revoliutsii [The Sociosphere of the revolution]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2004. 369 p. (In Russian)
7. Akhizer A. S., Davydov A. P., Shurovskii M. A., Iakovenko I. G., Iarkova E. N. *Sotsiokul'turnye osnovaniia i smysl bol'shevizma* [Sociokulturne reason and meaning of Bolshevism]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002. 610 p. (In Russian)
8. Izgoev A. S. O zaslugakh bol'shevikov [About the merits of the Bolsheviks]. *Russkaia mysl'*, 1918, January–February, pp. 54–62. (In Russian)
9. Berdiaev N. A. Rossiia i Zapadnaia Evropa [Russia and Western Europe]. *Russkaia mysl'*, 1917, May–June, pp. 76–81. (In Russian)
10. Berdiaev N. A. Narodnicheskoe i natsional'noe soznanie [The populist and national consciousness]. *Russkaia mysl'*, 1917, July–August, pp. 90–97. (In Russian)
11. Berdiaev N. A. Idei i zhizn'. Vlast' i psikhologiiia intelligentsii [The ideas and life. The power and psychology of the intelligentsia]. *Russkaia mysl'*, 1918, January–February, pp. 95–107. (In Russian)
12. Berdiaev N. A. Lichnoe blago i sverkhlichnye tsennosti [Personal benefit and supra value]. *Russkaia mysl'*, 1917, November–December, pp. 33–39. (In Russian)
13. Rostovtsev M. I. Nauka i revoliutsiia [Science and revolution]. *Russkaia mysl'*, 1917, September—October, pp. 1–16. (In Russian)
14. Hobsbawm E. *Ekho Marselezy. Vzgliad na Velikuiu frantsuzskuiu revoliutsiiu cherez dvesti let. Deutscher I. Nezavershennaia revoliutsiia Rossiia 1917–1967* [Echoes Of The Marseillaise. Look at the French revolution two hundred years ago. Deutscher I. The unfinished revolution. Russia 1917–1967]. Moscow, Inter-Verso Publ., 1991. 272 p. (In Russian)
15. Osipov I. D. *Filosofia politiki i prava* [Philosophy of politics and law in Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014. 267 p. (In Russian)

For citation: Kuznetsov N. V., Osipov I. D. Philosophy of culture in the journalism of the era of the revolution. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 393–399.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.401>

Статья поступила в редакцию 1 июня 2017 г.
 Статья принята в печать 13 июня 2017 г.